

Г. И. МЕЛИКА, К. В. МАЛИНИЧ (Ужгород)

О ДИСКРЕТНОМ ХАРАКТЕРЕ ВЕНГЕРСКО-УКРАИНСКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Языковые контакты, привлекающие к себе все большее внимание, возникают прежде всего там, где на одной территории параллельно функционируют два или больше языков. В Закарпатье, например, контактируют идиомы украинского, венгерского, русского, румынского, словацкого, немецкого и других языков.

При возникновении контактов языки ведут себя по отношению друг к другу активно, развивая в себе ряд сложных динамических процессов, характеризующих глубину проницаемости структур этих языков.¹ Данное положение подтверждают и исследования языковых контактов карпатского ареала.² Следует, однако, отметить, что в большинстве работ описываются эвидентные (очевидные) структурные изменения, изменения же дискретного (скрытого) интерференционного характера пока не рассматривались.³ В лексико-семантическом аспекте эвидентными элементами являются заимствования (*аванс, гардероб, аул, шлагбаум* — в русском; *Niveau, Team, Loge, Sputnik* — в немецком; *paszuly, szablya, emigráció* — в венгерском и т. д.). Менее эвидентны кальки словосочетаний, фразеологизмов, идиоматических выражений, например, венг. *többet ésszel mint erővel, kopog a szeme az éhségtől*; словац. *viac rozumom ako silou, už tu klopkaju oči od hladu*.⁴ В идиомах украинского, венгерского, немецкого и других языков Закарпатья семантические изменения эвидентного характера тоже распространены.⁵

Труднее выявить семантические изменения дискретного интерференционного характера. Исходя из наличия дискретных изменений в фонетических системах взаимодействующих венгерских, украинских и немец-

¹ Ю. А. Жлуктенко, Лингвистические аспекты двуязычия, Киев 1974, стр. 20.

² И. О. Дзендзелівський, Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі, Київ 1969; Р. М. Lizanec, Magyar-ukrán nyelvi kapcsolatok (A kárpátontúli ukrán nyelvjárások anyaga alapján), Uzshorod 1970; Г. И. Мелика, Проблемы фонетической и фонологической интерференции в межязыковом контактировании. Автореферат канд. дисс., Львов 1971; А. М. Рот, Особенности взаимодействия языков и диалектов карпатского ареала, Ужгород 1973; С. И. Ковтюк, Украинизмы в венгерском говоре низовья реки Уж Закарпатской области Укр. ССР. Автореферат канд. дисс., Ужгород 1973 и др.

³ Подробнее о сути эвидентных и дискретных изменений интерференционного характера см.: G. Melika, J. Schraml, Diskrete Lautveränderungen in der ungarischen Umgangssprache von Mukačevo. — СФУ VIII 1972, стр. 283—289.

⁴ F. Gregor, Ungarische stehende Redewendungen der Sprache einiger slovakischen Siedlungen in Ungarn. — Studia Slavica Hungarica, XIII 1967, f. 1—2.

⁵ И. О. Дзендзелівський, указ. раб.; Р. М. Lizanec, указ. раб.; С. И. Ковтюк, указ. раб.

ких языковых идиомов Закарпатья⁶, было сделано предположение, что они должны проявляться и на остальных уровнях контактирующих языков. Это предположение подтверждают исследования С. В. Семчинского.⁷ Правда, он изучал дискретное влияние на структуру значения часто употребляемых слов в диахронном плане, в данной же статье излагаются особенности дискретного влияния в синхронном плане.

Объектом исследования служат взаимодействующие венгерские и украинские языковые идиомы Мукачевского района, взаимное расширение в них полисемии и сфер употребления слов в зависимости от удаления венгерских или украинских говоров от зоны маргинального контактирования. Исследовались слова типа 'рука', 'голова', 'бить', 'острый' и т. д. с обширной полисемией и сферой употребления. Развиваясь, однако, в соответствии с особенностями развития народа-носителя, полисемия и сфера употребления слов этого типа в венгерском и украинском языках не совпадают.

Для выявления дискретных элементов лексико-семантической интерференции использован лингво-географический метод.

Слова обладают свойством синхронно употребляться в нескольких значениях, образуя т. н. полисемию, представляющую собой качественное расширение лексики данного языка, вызванное необходимостью передачи средствами языка богатства опыта языкового коллектива.⁸ Полисемия слова присутствует в нашем сознании и реализуется в сфере его употребления. Слово при взаимоотношении с другими элементами структуры языка изменяет свое значение в зависимости от грамматических категорий, общественно-осознанных контекстов его употребления, лексических связей с другими словами, экспрессивной и стилистической окраски и других факторов.⁹ Значение слова состоит из пучка смысло-разграничивающих признаков противопоставления объектов познания, которые определяют таким образом его семантическую структуру.¹⁰ Так, в структуре значения венг. *kéz* и укр. *рука* можно выделить семантические признаки: 1) анатомическая часть человеческого тела; 2) орган — орудие для выполнения различных действий и работ; 3) симметричное расположение по обе стороны тела (левая и правая); 4) характер и образ действий человека; 5) персонификация человека, репрезентация черт его характера, душевного состояния; 6) властвование, присвоение, наличие или отсутствие свободы действий. Основное (первое) значение содержит все признаки, входящие в структуру значения. Так, *kéz* и *рука* обозначают верхние конечности человека от кончиков пальцев до запястья (в венгерском языке) или до плеча (в украинском языке), при помощи которых выполняются разные виды работ или действий. Руки симметрично расположены по левую и правую сторонам тела, символизируя тем самым направление движения или местонахождение чего-либо по отношению к говорящему. Поскольку руками можно медленно и быстро, нежно и грубо, точно и невпопад действовать, они могут быть теплыми и холодными, чистыми и грязными, то, персонифицируя руки, мы характеризуем их владельцев. В соответствии с этими признаками *kéz* и *рука* употребляются в венгерском и украинском язы-

⁶ Г. И. Мелика, указ. раб.; G. Melika, J. Schraml, указ. раб.

⁷ С. В. Семчинський, Семантична інтерференція мов, Київ 1974.

⁸ Р. А. Будагов, Закон многозначности слова. — Русская речь 1972, № 3, стр. 132—140.

⁹ В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова. — ВЯ 1953, № 5, стр. 3—12.

¹⁰ О. С. Гурський, Зміна значення слова. — Проблеми теорії та методики викладання іноземних мов. IV республіканська науково-методична конференція викладачів іноземних мов ВУЗів УРСР, Львів 1969, стр. 3—6.

как как в прямых, так и в производных и фразеологических значениях. Первый признак: венг. *erős, gyenge, hosszú, meleg, tiszta keze van* 'сильные, слабые, длинные, теплые, чистые руки иметь'; соответственно укр. *сильні, слабі, довгі, теплі, чисті руки мати*. Второй признак: венг. *kézbe venni v-kit, v-mit* 'взять в руки кого-л., что-л.', *kézbe tartani v-kit, v-mit* 'держат в руках кого-л., что-л.', *két kézzel kapaszkodni v-mibe* 'двумя руками держаться за что-л., кого-л.'; соответственно укр. *взяти когось, щось у руки, тримати когось, щось в руках, двома руками триматися за що-небудь*. Третий признак: венг. *jobb kézre, bal kézre* 'направо, налево', *v-mi nincs a kezemre* 'мне не по пути'; соответственно укр. *іти на праву, ліву руку, мені не по руці іти з тобою*. Четвертый признак: венг. *könnű kézzel* 'с легкой руки', *puszta kézzel* 'голыми руками'; соответственно укр. *з легкої руки зробити ще-небудь, голими руками братися за роботу*. Пятый признак: венг. *megkéri a kezét v-kinek* 'просить руки девушки', *jó kezekben lenni* 'быть в хороших руках', *minden esik ki a kezéből* 'все валится у него из рук'; соответственно укр. *просити руки дівчини, бути в добрих руках, у нього все паде з рук*. Шестой признак: венг. *messze ér a keze* 'у него далеко доходят руки', *jó kezekben lenni* 'быть в хороших руках', *kézbe venni v-kit, v-mit* 'взять кого-л., что-л. в руки'; соответственно укр. *руки сягають далеко, бути в добрих руках, взяти кого-небудь, що-небудь в руки*. В некоторых случаях конкретное значение *kéz* и *рука* включает в себя только два или три структурных признака. В первом случае по одному признаку понимаем эти слова в прямом значении, по другому — в переносном. Так, *kézbe venni v-kit, v-mit* 'взять кого-л., что-л. в руки' имеет одно значение: 'взять ребенка, книгу в руки' и два производных значения, первое из которых характеризует черты человека, а второе выражает признак властвования, присвоения чего-либо.

Из примеров видно, что структуры значений венг. *kéz* и укр. *рука* подобны. Это не означает, однако, полного совпадения. Некоторые значения, содержащиеся в микроструктуре венг. *kéz*, не имеют соответствий в украинском языке. Например, *kezére esik v-mi* (досл. 'ему падает что-л. на руки', т. е. ему везет) передается укр. *йому підходить що-небудь, співпадає з його планами*, а *kezére jut* (досл. 'попасть в руки', т. е. узнать о чем-то) соответствует укр. *дізнатися про щось*. В свою очередь в микроструктуре укр. *рука* есть значения, не имеющие соответствий в венгерском языке. Так, *мати живу руку* (досл. 'иметь живую руку', т. е. быть проворным в работе) и *набити руку на який-небудь роботі* 'набить руку на какой-либо работе' соответствуют венг. *ügyesen dolgozni, jól, ügyesen végezni v-mely munkát*.

Поскольку структуры венг. *kéz* и укр. *рука* не полностью совпадают, имеются расхождения в употреблении этих слов в рассматриваемых языках. Так, если венг. *rövid keze van* 'иметь короткие руки' употребляется только в прямом значении, то укр. *короткі руки мати* употребляется, кроме прямого значения, и в переносном — 'не иметь возможности достичь чего-л.; не иметь достаточной власти что-л. сделать'. Подобное явление наблюдается при сравнении структур значений и в иных языках. Например, укр. *голова* и нем. *Kopf* среди прочих общих семантических признаков структуры имеют и обозначающий единицу счета. Однако укр. *голова* употребляется для счета крупного рогатого скота, например, *200 голів великої рогатої худоби* '200 голов крупного рогатого скота', а нем. *Kopf* — для счета людей, например, *eine Fünfkopf-delegation* 'делегация в составе пяти человек'. Таким образом, общая структура значений сравниваемых слов еще не определяет общую сферу их употребления.

При сопоставлении структур значений венг. *kéz* и укр. *рука* в иссле-

дуремых идиомах со структурой соответствующих литературных слов оказалось, что за исключением некоторых отличий сравниваемые структуры аналогичны. Имеются, однако, случаи употребления *kéz* и *рука* в венгерских и украинских идиомах, которых нет в соответствующих литературных языках, например, венг. *élő keze van* 'быть проворным в работе', *ráveri a kezét a munkára* 'набить руку на какой-либо работе', *minden kézre mester* 'мастер на все руки'. Если же сравнить эти выражения с украинскими идиомными, окажется, что они совпадают, например, венг. *élő keze van* с укр. *він маэ живу руку*, венг. *ráveri a kezét a munkára* с укр. *набити руку на якійсь роботі*. То же наблюдается в украинском говоре, где *рука* употребляется в иных, чем в литературном языке, значениях, например, *бути по руці* 'быть по душе, удобным' совпадает с венг. *kezére esik*. Объясняется это взаимоотношением венгерских и украинских говоров и действующей при этом семантической интерференции дискретного характера.

Следующей чертой интерференции дискретного характера можно считать ту особенность, что в венгерских и украинских говорах маргинальной зоны контакта имеется ряд таких общих для обоих языков семантических словоупотреблений, которые не характерны для отдаленных от контактной зоны сел с украинским или с венгерским населением. Так, укр. *мати живу руку, набити руку на якійсь роботі, майстер на всі руки* и другие имеют венгерские соответствия *élő keze van, ráveri a kezét a munkára, minden kézre mester* главным образом в населенных пунктах со смешанным украинско-венгерским населением (г. Мукачево, села Ст. Давыдково, Кирово, Чинадеево), проникая и на венгерскую языковую территорию (села Жнятино, Н. Коропец), прилегающую непосредственно к контактной зоне. В отдаленных же населенных пунктах (села Лискове, Рафайлово, Гать, Косино) эти словосочетания не встречаются. То же наблюдаем и когда выражения со словом *рука* из венгерских идиомов проникают на украинскую монолингвальную территорию. Интенсивность направления украинский ← венгерский, однако, менее выражена, чем украинский → венгерский. Объясняется это доминированием украинского языка в исследуемом ареале. Так, выражения *a kezére dolgozik v-kinek — працювати на руку комусь, kezére esik — бути по руці* и т. п. встречаются в г. Мукачево, в селах Кирово, Чинадеево, Ракошино, Ст. Давыдково, но не встречаются в отдаленных от контактной зоны говорах (села Лохово, В. Визница, Дубино, Дубровка).

Количественный анализ исследуемого материала дает возможность выявить еще одну особенность дискретного влияния семантической интерференции. В маргинальной зоне контакта, включающей г. Мукачево и непосредственно прилегающие к нему населенные пункты (Подгород, Паланок, Подгоряны, Павшино, Росвигово), нами обнаружено 45 значений слов *kéz* и *рука*, общих для идиомов обоих языков. Кроме них, украинское идиомное *рука* имеет пять значений (т. е. всего 50), которые не характерны для венг. *kéz*, а последнее имеет два значения (т. е. всего 47), не характерных для укр. *рука*. Суммарное количество неповторяющихся значений *kéz* и *рука* — 52. Оно константно для всего исследуемого ареала.

Чем дальше от маргинальной зоны, тем меньше общих значений *kéz* и *рука*, меньше и общее количество употребляемых значений в каждом отдельном языке; но сохраняется константа во всем ареале. Населенные пункты исследуемого ареала, кроме уже упомянутой маргинальной зоны, условно поделены на два пояса: первый, менее отдаленный, включает села Н. Село, Н. Коропец, Жнятино по одну сторону и села Ракошино, Русское, Ивановцы, В. Коропец по другую сторону, а второй,

более отдаленный от маргинальной зоны, включает села Лискове, Гать, Баркасово, Косино с венгерским населением и села Чабановка, Жуково, В. Визница, Дубино и другие с чисто украинским населением. При этом количество значений распределяется следующим образом: общих значений *kéz* и *рука* в первом поясе — 30—34, во втором — по 25—26; общее количество значений *kéz* в первом венгерском поясе — 36—38, во втором — 26—28; общее количество значений *рука* в первом поясе — 46—49, во втором — 42—43.

Итак, взаимовлияние функционирующих в зоне маргинального контакта языков приводит к изменениям в структуре значения слов, к смещению и (или) расширению семантических сфер их употребления, благодаря взаимопроникновению элементов одного языка в другой. Это взаимопроникновение, как уже указывалось, носит кроме эвидентного в значительной степени и дискретный интерференционный характер. В распределении количества общих и частных значений по геолингвистическим поясам в контактирующих говорах также проявляется влияние интерференции дискретного характера.

G. MELIKA, K. MALINIĆ (Užgorod)

ÜBER DEN DISKRETE N CHARAKTER DER UNGARISCH-UKRAINISCHEN SEMANTISCHEN INTERFERENZ

In den gegenwärtigen interlinguistischen Studien werden meistens Interferenzerscheinungen beschrieben, die für ihre Feststellung keine besonderen Beweise gebrauchen und deswegen als evident von uns qualifiziert werden. Im Gegensatz zu ihnen werden diskrete Interferenzerscheinungen vermutet, die in allen Sprachschichten nachweisbar sein sollen. (Im phonetischen Aspekt wurde ihre Existenz schon bewiesen. Siehe: G. Melika, J. Schraml, Diskrete Lautveränderungen in der ungarischen Umgangssprache von Mukačevo, СФУ VIII 1972). Im vorliegenden Artikel berichten wir über die Untersuchung diskreter Verschiebungen interferierender Charaktere im Aspekt der Semantik, wo sie als Veränderungen in der Bedeutungsstruktur adäquater Wörter der sich wechselseitig beeinflussenden Sprachen, in der Gebrauchssphäre der einzelnen Bedeutungen, in der Erweiterung der Polysemie, im linguogeographischen Charakter der Isosemenverbreitung identifiziert werden.